

МОЗЪКЪ ВЪРЪМЯ

№ 10185 ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СУББОТА, 10-го (23-го) ЮЛЯ 1904 ГОДА.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ № 10185

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ.

(Мое съ нимъ знакомство, петербургскія воспоминашя).

Не какъ простой обозратель московской жизни, но обозратель отвлеченной событй текущихъ дней, а какъ старый товарищ, горячй поклонникъ и человекъ, много обязанный и глубоко благодарный, хочу говорить о Чеховѣ. Онъ умеръ, но его образъ стоитъ передо мною, я слышу возгъ себя знакомый, притный и тихий голосъ, въ которомъ никогда не раздаются крики и раздражительный востъ. Чеховъ умеръ! Такъ рано, въ порѣ расцвета литературнаго таланта, всего года до желанья! Въ знаи, что онъ болѣлъ, но шло не оказывая такой быстрой и внезапной разлвки...

Это было какъ будто вчера: въ 1888 году, прѣхавъ въ Москву изъ далекой провинци, гдѣ я считалъ чужимъ, вышелъ ять и все время, какъ чеховскія три сестры, тяготивъ къ столицѣ. И воочию явился съ А. П. Чеховымъ, молодой чеховцой съ широкими плечами, высокимъ и стройнымъ. Большие, волнистыя темно-русые волосы красиво выдвигали его задумчивое лицо съ небольшою бородой и усамъ. Когда Чеховъ смѣялся, его губы выгибались какъ-то особенно, ласково и юмористически. Сиблаваре глаза его, прелестны и метательныя, освѣщали все лицо. Это были глаза, похожыя на копейки, какъ у героини его перваго разсказа въ «Новомъ Времени» — «Навижда». И когда Чеховъ шутилъ, высмѣивалъ кого-нибудь, карикатурно изображалъ, его глаза криво глядѣли на насъ, и этотъ добрый взглядъ говорить, что въ словахъ юмориста итъ и тѣни злобы и жестки.

Во то время, когда началось наше знакомство, Чеховъ работалъ въ «Осколкахъ», «Петербургской Газетѣ» и только-что сталъ писать такъ называемые «субботники» въ нашей газетѣ. Чехова «Осколки» мы знали давно, и вслѣдъ, кто писалъ въ этотъ журналъ, до безконечности восхвалялъ крохотныя разсказы А. Чехонте. Въ одной изъ московскихъ газетъ на-днякъ было сказано, что редакторъ «Осколковъ» г. Лейкинъ «вѣялъ на развитіе таланта» Чехова. «Влкая» тутъ ровно никакого не происходило, но что г. Лейкинъ обилия руками хватался за талантливаго сотрудника и

охотно надать его книгу «Пестрыя разсказы», это вѣрно. Въ тѣхъ «Осколкахъ» шла очень хорошо, и «струна» этого журнала, какъ говорилъ Чеховъ, состояла изъ такихъ писателей, какъ Л. И. Пальминъ, Л. И. Треповель, В. В. Вильбринъ (П. Грэкъ), А. Грузинскій. Въ «Осколкахъ» тогда же появлялись изрѣдка произведенія Горбунова, г. Альбона, Баранченца, Ва. Непрунова-Данченко, а редакторъ печаталъ наиболее интересное свои разсказы и срѣзки изъ купеческаго быта. Вотъ та «вольбѣла», гдѣ одно время базовался талантъ Чехова. Это былъ ребенокъ не во колѣблѣ, онъ выпорхнулъ изъ «Петербургской Газетѣ», а затѣмъ, какъ блестящая ракета, взлетѣлъ въ «субботникахъ» «Новаго Времени». Въ мѣсяцѣ журнальчакъ Чеховъ разбросалъ истинныя бриллы юмора. Его разсказы «Драма», брошенный въ «Осколкахъ», впоследствии далъ много веселыхъ минутъ Л. И. Толстому. Великій писатель говоритъ, что онъ, читая, какъ барыня доканала своей драмой писателя, хотѣлъ бы до слезъ. Но всѣхъ этотъ преходящій успѣхъ, эти обире восторги и похвалы пришли не сразу, а послѣ дебатовъ въ «Новомъ Времени», послѣ того, какъ г. Суворинъ надать книгу Чехова «Въ сумеркахъ», а г. Буренинъ первый намечатель о ней весьма очувственный фельетонъ. Тутъ и вслѣдъ слѣдова гласа отклики. Изданные раньше г. Лейкинымъ «Пестрыя разсказы», очень люду раскупившійся въ теченіе ряда лѣтъ, прутъ, иодѣвъ въ три-четыре, разошлись до послѣдняго экземпляра.

Чеховъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ, съясъ и недоуменно:

— Чего онъ (г.-е. покупатели) равнѣше то смотрѣли?

..

И позавкомилса съ Чеховымъ, когда онъ жилъ на Курдинскій Садовой, въ д. Карвинь; тамъ онъ занималъ убогій фельетъ въ два отака и платилъ въ мѣсяць 55 рублей. Теперь эта же квартира ходитъ по душной юбѣ. Чеховъ, принявъ меня радушно и просто и сразу поспитовалъ нѣкоторые разсказы болѣе серьезные и болѣе «длинныя», чтобы заработать побольше.

— Вообще пишете больше, сидите за письменнымъ столомъ дни и ночи. Въ молодѣе годы это необходимо дѣлать писателю!

Черезъ втораго срѣзка времени онъ сказалъ мнѣ:

— «Осколки» и «Пестрыя разсказы» —

и, по которымъ надо выходить впередъ. Напишите на что-нибудь въ «Новое Время»... да поспорѣ!

И исполнить этотъ благой советъ, я пришелъ Чехову разсказъ «Лѣла», онъ его внимательно прочиталъ, переправилъ и съ удовольіемъ отъ суббота эта вѣрнѣе была напечатана.

— Вы видите! — говоритъ потомъ А. П. — Не ожидаю успѣха, а вышло недурно. Да вотъ, что еще: не забывайте слѣдующій разсказчикъ, пока я хлѣб не промотрую.

И возразилъ, что боюсь надѣсть, утомилъ, отнять знатокъ время и т. д.

— Пустимъ! — отвѣчалъ Чеховъ: — И отдаваъ на такихъ лѣтчикъ дѣлями...

И такъ ко всѣмъ своимъ младшимъ «братьямъ-писателямъ» относился А. П. Чеховъ, самъ по горло занятый работами для всеблжательныхъ изданій. Начинательно безлтеристъ, драматургъ, поэты началъ писать въ его кабинетѣ. Въ любое время, когда бы кто ни приходилъ, Чеховъ вѣсному давалъ истинно-товарищескія событй, ободрять, побуждать на работу, неспрашивалъ статей, давалъ темы. Бывало, принесемъ ему какую-нибудь свою статью, сидѣшь около стола, Чеховъ возьметъ нашу листочекъ, закуритъ шашурку (онъ курить очень много) и вслухъ начинаетъ читать принесенное. Сначала студно становится слушать собственное измышленіе, но у Чехова былъ даръ относиться къ малѣйшимъ людямъ не свысока, у него выходило такъ-то такъ, словно мы оба сочинили и оба по обоюдному согласію неправды написанное. И этотъ чеховскій милый голосъ, краткій его взглядъ довершалъ очарованіе. Событй, затѣвая, поправки Чехова не итъ и въ тѣхъ написаніяхъ. Однакожъ онъ не пропускалъ ни одного слабого мѣста, а также отмѣчалъ все то, что ему нравилось. Свои первые разсказы я писалъ, находясь подъ влияніемъ не столько произведеній Чехова, сколько его бесѣды со мной, его рѣчи, слышавшійся въ меня необыкновенное мужество. И много, очень много было тѣхъ, кого эта благородная рука во время поддержала!

..

А. П. Чеховъ любилъ вращать братьевъ-писателей, которые нуждались въ литературной помощи, но не очень былъ доволенъ, когда его звали, какъ доктора, въ наступилъ болѣзнь. Дважды, читая мнѣ отрывки своей драмы «Ивановъ», Чеховъ получалъ отъ кого-то замску, и лицо его выражало иѣкоторое неудовольствіе.

..

— Зовутъ къ больному, ѣхать необходимо! Вотъ тебѣ и чтеіе...

— А что случилось?

— Нусти, вѣроятно... Скажите, Н. М., мы знакомы съ Пальминымъ?

— Лично итъ...

— Бѣды вѣстѣ! Прекрасный случай намъ познакомиться!

— Такъ это Пальминъ захворалъ?

— Да, онъ: пишеть, что усталъ и разболѣть себя говору.

Мы прѣхали на Плониху; тамъ, въ одномъ изъ молчаливыхъ переулкахъ, въ длинномъ и холодномъ домишкѣ жаль пость Л. И. Пальмина, стихами котораго мы всѣ тогда зачитывались. Пость поразилъ меня своимъ видомъ, какъ поразало онъ всенего, впервые съ нимъ встрѣтившись. Представилъ себя худощаваго старика, да волосы верилло одубого, съ растрепанными седыми волосами и бородой, съ лицомъ, испещреннымъ багровыми пятнами, какія бывають у всѣхъ любителей долгого вынута, съ восхвалеными глазами, сморщившимися куда-то впередъ, трысугаюся, но чрезвычайно подвижна. На головѣ у него была надѣта грязная повязка, а на лбу остались слѣды крови. Это и былъ пость Пальминъ.

— Что, изумляетесь? — шутилъ Чеховъ, здороваясь съ Пальминымъ и рекомендуя меня. — Вашъ колега, Людоръ Ивановичъ.

— А это — Д. К. Лавачскій (мой псевдонимъ въ «Осколкахъ»)! Радѣ Рукѣ! — сказалъ Людоръ Ивановичъ, картавя, трясая мнѣ руку и обидная насъ обонѣть захлопавъ синицовой водки.

На столѣ стояла убогя четверть этого вина, и лежала седека съ травной по рту. Пальминъ только что пропустилъ ромочку и вынималъ выловъ травку изъ седели, что и составляло его закуску.

— Антоша, водка! Емъ, хотѣте?

— Сначала радой водку забѣдемъ, отбѣвалъ Чеховъ: — а свою водку мы пока оставимъ. Мнѣ нуженъ такъ съ чистой водкой...

— Ну, вотъ еще! Чортюа купилъ! — ласково сказалъ Пальминъ и крикнулъ: — Федѣла Ивановича, водка!

Водка сожгала Пальмина, которую звали Пелагея Едокимова, но Пальминъ ливенчалъ ее почему-то на свой ладъ. Началось леченіе. Я держалъ такъ съ водкой, Чеховъ заботливо дошло и осторожно промывалъ рану (она шла чернѣе всѣхъ лѣтъ и имѣла ужасный видъ), засмѣялъ ее юдофоромъ и зашилъ пластыремъ. Пальминъ сразу почувствовалъ облегченіе и сказалъ:

— АИ-да, Антоша! И тебэ завтра подарок сделана... хоронить духом кутюна...

Фефеля Павловица, отозвался Чехова, спросила тихонько про меня:

— Это кто же такой?

— Мой фельдшер, — отбывал Чехов, подмигивая мне.

— А из какой утробы... Вышейте и вы, Антоша Павлович!

Мы отозвались, что отгоризло Фефелю Павловицу.

— А я через гробы вышло! — сказала она — ужас очень маршановские рыцари у вас хоронят... Людей Павлович, ты слышь?

— Нить, я трамкой! — отбывал Пашинь, снова выходящая свою закуску.

На прощание Фефеля Павловица пробила дать Чехову на взночку 30 копеек, но он с смехом отказался.

— Фельдшеру моему дайте!

— Ну, вы, г. фельдшер, возьмите! — горла она мне.

Чехова это ужасно развеселило, мы у него дома ужинали и шли за здоровье Пашинина доносное шампанское, которое Чехову прислать в подарок один из его благодарных пациентов.

У Чехова быстро росла знакомства. Литературная слава привлекала к нему людей из разных слоев общества. Его квартира из д. Карпиева стала шумная, в ней постоянно кто-нибудь или болящих, или посетователей. Была, предель и даже присутствовали: артисты-премьеры, известные писатели, генералы. А Чехов со всеми держался одинаково. Къ вам, своим ближайшим товарищам, он относился, как всегда, ласково, мягко, внимательно. Он был очень завыт, много писал, всё его время на части, всё желал с ним беседы, просили его писать с автографами, портретами. Быть может, у него столько пружалась голова от этого успеха, но гордости, надменности никогда не было. Попрелему он помогал начинающим артистам в их работах, устраивал их оторудничество, давал советы, указания. Лично про себя я много должен сказать, что добрая душа Чехова об мне продолжалась и после того, как я стал писать фельетоны из Москвы. Он присылал мне письма, указывая промахи, отбывал удачно, словами, остался добрым другом, память о котором всегда сохраняется в моем сердце.

В последние годы я редко бывал у Чехова. У меня было много занятий, Чехову я редко приезжал в Москву, и все это мышло вамичу забывай. Но главной побойкой была болызна Чехова. Я не мог видеть этого лица без пропичина, этого невозможного тела. Год два назад я приехал къ А. П. (он тогда жил въ д. Фирсановой, на Неглинной) и пытал яиду потоловать о дьяк. Но, увидя Чехова, я уж о дьяк и не заикался: большой писатель возмался мне излученным, близким къ смерти. Все измалось во мне, только голос был презав! — тихий и спичатичный.

Наоборот, когда Чехова торественно чествовали во время первого представления «Вашнего сада» в Художественном театре, А. П. показавал мне больше здоровья, чем прежде, и я ринчал, что он возвращался и открыл. В конце этого зты я наддался с ним увидаться...

Этой радостной надежд суждено было недолго жить. Чехов умер в одном из курортных Германьи. Он не любил этой страны, его привлекала Франция, он поселился Париже, и когда собрался въ 1900 году на всаирную выставку, А. П. говорил мне:

— Покажите въ этомъ прекрасной городе подолыне, онъ васъ встралжит, подбодрит, прогонитъ всю хандру, такая всегда есть у русского человека. Вы представите не можете, какъ я себя хорошо чувствовал въ Париже! Если на то пошло, я только там и чувствовал себя здоровым...

У А. П. Чехова был брат, художник Николай Павлович, талантливый журналист и человек с своеобразными, живыми характером. Он был порывист, вспыльчив, правдив, безмерно любил музыку и свою профессию. Но вот он протрудился, схватил тифозную горячку, потом у него образовалась скоротечная чахотка, и он скончался. Антоша Павлович был убит этой утратой. Он говорил, что его брат Николай — самый его симпатичный человек. В свою очередь Николай Чехов, с которым я много раз пошел прогулялся, называл Антоша Чехова «добрый, какъ Христос».

Из приятелей А. П. Чехова на первом плане выступают Песаки Ильич Левитан. Этот знаменитый пейзажист был горячим поклонником Чехова-писателя, а тот любил и восхвалял пейзажи Ле-

витана. Чехов не раз говорил, что Левитан прекрасный, чудный человек, и это была правда. Это подтверждаетъ всё, что близко знает художника.

Оба они, и Чехов, и Левитан, были совершенно одинаково грубы. Их профессия была — изящное искусство, дорога въ жизни — симпатичный труд. Левитан получал премию за картину «Вечерняя», Чехов — за книгу «Въ густерахъ». Оба они почти одновременно удостоили звания академиков. Оба они, сестр Левитан и полумалорос Чехов, глубоко любили русскую жизнь и дали нам образцы картин — на полотни и на бумаге — часто простой жизни...

И наконец оба друга, составлявшие гордость всех русских, умерли преждевременно, в самом зените своих симпатичных дарований... Марь их праху, вливал и славава память чьх громкихъ именам!

Все время, жила въ Москвѣ, А. П. Чехов вымалъ собою привыкъ настоящему писателю, глубоко преданному своему делу. У какой это былъ работнич! Не отпавшая никому въ вилитакъ, разговорамъ, трети массу времени на ночь близкимъ сонит, онъ только и думал, какъ бы написать, поработать. Делать было трудно писать — онъ сидеть за столомъ вечером; вечером ямался заниматься — онъ трудился ночью. Разъ, правда къ нему, я увидял Чехова своимъ очно: онъ сидеть и что-то с удивлениемъ писать. Его голова качалась, губы мевалась, рука была блата, черт перомъ по бумаге, и летная краска выступала на его по обыкновенно бледнымъ щекамъ. Я не ринался зайти, не могъ прервать эту алхорочную работу и ушелъ домой, а после сказать обь этомъ Чехову. Онъ сидеть видь, что сердится, и скавалъ:

— Нить, ужъ вы откаж переду не длабте!

Во время, когда я начинал свою литературную карьеру, мы было очень трудное жить. Я былъ одинок, робокъ, застенчив, и вылезъ повято, что дружеское отношении ко мне такого молодого писателя, какъ Чехов, создао вокругъ него въ моихъ глазахъ такой лучезарный ореолъ, который не померкнетъ для меня до конца дней моихъ.

Я уверен, что и другие его знакомые держатся подобнымъ же взглядомъ на Чехова.

Это сознание сидело многимъ, очень многимъ.

Будучи самъ болель читателем, Чехову прислао большое участие въ учинении отъ хачоти наемникомъ писателя С. Ендованов, впоследствии умершемъ въ Петр. Чехов выдалъ ему по 25 р. въ чиную аль своихъ денегъ, а меня прислао съдлать воявание въ «Новомъ Времени», что я, разумеется, сейчас же исполнил.

Итъ-за этого писателя я чуть-было не угодилъ подъ судъ, я вотъ какъ это случилось. Писатель Ендованов, пока въ одной аль пишущъ фельетомъ, былъ свидетелемъ вояничамъ болондромъ и расказалъ мѣ обь этомъ. Я воспользовался его расказомъ и написалъ фельетонъ. Отсюда и загорелся сыр-бор. На меня, во-первыхъ, поступило нечто вроде «доноска», отравлявшего въ редакцию, а затѣмъ, въ однокъ изъ специальныхъ органовъ интеллигенции, что меня въ непродолжительномъ времени признать какъ судовой отбывственности.

Чехов первый прочелъ обь этомъ, вымалъ меня выслушать и скавалъ:

— Вотъ вы и впраду за доброе дело! За такихъ случаевъ журналиста благодаритъ надо, а васъ гнать къ отбыту. Но вы не робейте. Пусть васъ обвинятъ, накажутъ, но это только къ стыду противной стороны должно отнестя.

— Не стужалъ ли я васъ въ фельетонъ? — спросилъ я.

— Что вы! — возразилъ Чехов. — Какъ врать, я готовъ удостоить, что вы говорили одну правду. Болончамъ у васъ бо-бранимъ до отправления. Даже въ клиникахъ не все благополучно... Нить, нить, выль фельетонъ справедливъ. Будете выль спичивать.

Я вымо все забыты этого писателя, и его частны слова о томъ, что журналиста долженъ быть безстрастенъ и смелъ, — всегда остаются моимъ лозунгомъ...

Мы болшо выль вымалый фельетонъ, соизнала, что нашего Чехова «нть и не будетъ ужъ вѣчно»...

Мы даже не увидимъ незабвенного лица убошого писателя и отсутствъ въ землю лютую лютый гробъ...

Все Москва и множество интеллигентныхъ людей аль другихъ городовъ съидутъ на эту трапину, и у всѣхъ зажмуритъ сердце, говоря последние прощя любящему русскому молодому писателю Антошу Чехову!

Николай Ильич.